

Н.В. Брусилова

[О клевете Вс. С. Соловьёва]

Мама¹ отсутствовала несколько недель и, вернувшись, рассказывала нам много о необычайных феноменах, о необычайных встречах с необычайными людьми. Мне запомнились имена таких людей, как Фламарион², де Вогиюэ³ и наш русский писатель Всеволод Сергеевич Соловьёв⁴. В последнего мама положительно влюбилась и восхищениям её этим «чудным человеком» не было конца. За ней и мы все воодушевились, и пошла горячая переписка с Парижем. У меня сохранилось много его писем. Что из этого вышло потом? Много, много очень серьёзных неприятностей и даже горя. Мне часто думается, что он был причиной смерти и тётки нашей⁵, и матери, так как старые их сердца были окончательно надорваны и не вынесли простых простудных инфлюэнций и легкого воспаления в легких, как у мамы. Слишком измучились они и исстрадались обе историями с этим «чудесным», по маминому первоначальному определению, человеком. Скажу вкратце то, что знаю твердо. Если желательно в будущем кому-либо из теософов подробно разобраться в этой путанной истории, на то есть много документов и писем, которые я оставила в Париже у М.И. Отман де Вилле⁶. Ни мать наша, ни я никогда теософами не были. Мама интересовалась этим обществом потому, что её сестра его основала, и потому, что вообще интересовалась всякими отвлечёнными вопросами и необъяснимыми наукой явлениями. Мы же с сестрой Леной⁷ были молоды и глупы и ровно ничего не понимали. Наша мать была типичной представительницей [18]50 и [18]60-х годов, образованной, умной, с громадным сердцем, душевной отзывчивостью, доверием к людям, но и романическими фантазиями, оставившими большой след во всём, что она писала. Повторяю: она увлеклась симпатией к милому, талантливому, изящному русскому писателю, исторические романы которого всегда читала с удовольствием. Она глубоко сочувствовала хорошенькой, молоденькой его второй незаконной жене⁸, родной сестре его первой настоящей жены. И у той и у другой было по ребёнку. Первая со старшим его мальчиком жила в Петербурге, вторая с крошечным сынишкой скрывалась в Париже. Зачем-то ему понадобилась наша бедная мама и начал он ей рассказывать о своём горе, о своём грехе, который ни церковь, ни императорский двор (он был камер-юнкер) ему не простят, стал уверять её, что мама и её семья, т.е. мы, заменим ему семью, отказавшуюся от него; много, много чего он рассказывал и чему мать моя верила и жалела его и готова была всячески ему идти на помощь. Когда, более чем год спустя, мы были уже в Петербурге⁹, а он приехал из Парижа добиваться развода с первой его женой, пока адвокат его Болотов раздобыл вид на жительство для его второй жены, она не могла показаться в Петербурге с ним, а приехав позднее, остановилась у

Публикуется по: *Брусилова Н.В.* Мои воспоминания и записки с детства // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 19а.

Первая публикация в: Первые научные чтения памяти Елены Петровны Блаватской. Материалы научно-общественной конференции. 8 мая 2011 г. – 2-е изд., испр. и доп. – Донецк, 2012. С. 168–175.

Подготовка текста и комментарии А.Д. Тюрикова.

Надежда Владимировна Брусилова (1864–1938) – писательница, общественная деятельница, дочь В.П. Желиховской, с 1910 г. жена военачальника Алексея Алексеевича Брусилова (1853–1926).

¹ Речь идёт о писательнице и драматурге Вере Петровне Желиховской (1835–1896), которая в 1884 г. была в гостях у Е.П. Блаватской в Париже.

² Камилль Фламарион (1842–1925) – французский астроном и писатель, интересовался сверхординарными явлениями природы и парапсихологией, член Теософского общества, часто и продолжительно общался с Е.П. Блаватской.

³ Эжен-Мельхиор Вогиюэ (1848–1910) – французский дипломат, писатель-путешественник, археолог, меценат, литературный критик, историк литературы, член Французской академии.

⁴ Всеволод Сергеевич Соловьёв (1849–1903) – писатель, поэт, критик, журналист, издатель, автор клеветнической книги о Е.П. Блаватской «Современная жрица Изиды» (1892).

⁵ Речь идёт о Е.П. Блаватской.

⁶ А в 1932 году передала в русский заграничный архив в Праге. – *Примечание Н.В. Брусиловой.*

Мария Ивановна Отман де Вилле – близкая подруга Н.В. Брусиловой.

⁷ Речь идёт о Елене Владимировне Желиховской (1874–1949).

⁸ Речь идёт об Елене (Адели) Осиповне (Иосифовне) Ламкерт, младшей сестре жены Вс. С. Соловьёва, Ольги Осиповны (Иосифовны).

⁹ Осенью 1885 г.

нас, так как ни её, ни его родные её не принимали ни на один день, а в гостиницу попасть без паспорта тоже было невозможно. Её с ребенком мать наша буквально облагодетельствовала, нисколько не считаясь с её нелегальным положением, ни с тем, что у неё самой в доме было три молоденьких дочери. Нужно вспомнить, что это были восьмидесятые годы, и взгляды, традиции и правила, царившие в обществе того времени, чтобы оценить услугу моей матери им обоим. Он и благодарил её, и плакал, и целовал ей руки. А спустя некоторое время заявлял печатно, что искал дружбы с мамой и с нами, чтобы узнавать всю подноготную о Блаватской, войти в доверие нашей семьи, чтобы вернее следить за ней. Он обманывал нас, нёс небылицы на свою родную семью, перессорил нас с мамиными родными, восстанавливал нас, детей, против родной матери и её сестры, одним словом, закрутил такую трагедию и комедию, что мы буквально были ошеломлены. Клеветы, сплетни и ссоры между Парижем, Петербургом и Одессой в письмах были чудовищны. В конце концов, он издал свою знаменитую, пасквильную, лживую книгу «Современная жрица Изиды», в которой облил грязью Елену Петровну Блаватскую и её теософическое общество, а попутно и мать нашу и её тётку, Надежду Андреевну Фадееву¹⁰. Мать моя издала ответную брошюру – «Современный жрец истины». В России и за границей создан был скандал вокруг этого дела, и очень скоро после этого умерла наша мать, а ранее, ещё до выхода его книги, когда появлялись отдельные его статьи в газетах и журналах, умерла Елена Петровна Блаватская. И, когда вспомню, как он вначале говорил лично мне: «Ваша милая тётя Лёля даст мне денег на издание теософического журнала в Париже. На то у неё есть её индусские чудодеи и махатмы». И, когда вспомню, что денег этих у тёти не оказалось, и она не могла их ему дать, а друзья её из Индии написали ей, что это неверный человек, – для меня становится всё ясным. Но что мы пережили! Господь с ним! Я написала только голые факты. Он говорил нам: «Если она, Блаватская, не сделает того, что я хочу, – я отомщу ей». И отомстил.

Добавление

На страницах 72, 73 и 74 я говорю о несчастной истории в нашей семье с Всеволодом Сергеевичем Соловьёвым, но недостаточно подробно останавливаюсь на том, в чём собственно было дело. По правде сказать, мне тяжело этого касаться. Теперь, когда я сдаю все семейные письма и бумаги в Русский Заграничный Архив в Праге, я отдала также все имеющиеся у меня на руках материалы по этому делу. Перечитала много писем этого печальной памяти романиста и считаю нужным подробнее рассказать суть дела и в моих заметках. Всеволод Соловьёв был камер-юнкером двора Его Величества, сын заслуженного русского профессора истории Сергея Михайловича Соловьёва, брат профессора философа Владимира Соловьёва, сам он писал талантливо и интересно свои романы и приобрёл ими довольно большую известность¹¹. В период нашего знакомства с ним, он как раз писал серию своих «Горбатовых», печатая вначале их в журнале «Нива», а затем выпуская их отдельными книгами. Издатель «Нивы» Адольф Федорович Маркс¹² ему очень дорого платил за его сочинения, блиставшие большой фантазией и красивыми картинками. Он давно был женат, имел сына, названного в память дедушки Сергеем; в литературных работах его ему помогала совсем молоденькая сестра его жены, так как у него болели глаза, много писать он не мог, он ей диктовал свои романы. Диктуя влюбился в очень хорошенькую родственницу, достиг её взаимности и увёз в Париж, где и сожительствовал с нею несколько лет, прижив от неё сына Борика. В 1884 году мать наша вместе с её теткой Н.А. Фадеевой поехали из Одессы в Париж повидаться с давно невиданной сестрой нашей матери Еленой Петровной Блаватской. Вот у неё-то они и познакомились со В.С. Соловьёвым. Он не только писал романы, но и сумел своим собственным [положением] так заинтересовать всех, придав такую нехорошую окраску своей семье и первой жене, а себя выставить таким гонимым ни за что мучеником, что романическое сердце нашей доброй матери растаяло, и сразу же она всему поверила, что бы он ни рассказывал. Он очень хитро и талантливо втёрся в нашу семью, вначале

¹⁰ Надежда Андреевна Фадеева (1829–1919) – писательница, коллекционер, тетья Е.П.Блаватской, с конца 1860-х гг. проживала в Одессе.

¹¹ Я со своими подругами очень ими увлекалась. – *Примечание Н.В. Брусиловой.*

¹² Адольф Федорович Маркс (1838–1904) – русский книгоиздатель.

письмами вскружив голову нам с сестрой Верой¹³, особенно мне. Впоследствии встретаясь, я готова была рассориться со всеми своими, защищая своего друга и его жену Адель. Когда мы из Одессы переехали в Петербург, он также туда приехал, и мы видались почти ежедневно. В то время он хлопотал о разводе со своей первой женой Ольгой Иосифовной. Адвокат Болотов, славившийся своими бракоразводными делами, всё это ему устроил. Адель приехала из Парижа, оставив крошку Борика у м-м де Морсье¹⁴, чтобы обвенчаться с Всеволодом Сергеевичем. Это было очень трудно сделать, так как по закону жениться на сестре своей первой жены было нельзя. Но изворотливый адвокат нашел какого-то «подкупного попа», по выражению Всеволода Сергеевича, который и обвенчал их. В то время при «Святейшем Синоде» адреса таких «священнослужителей», вернее попов-жуликов, были известны.

Кроме того, Адель не могла остановиться нигде, так как родные их, ни его, ни её, к себе не пускали, а в гостинице нужен был вид на жительство, которого у неё не было. В то время купить за деньги всё было возможно, но только в столицу без вида на жительство строгие и честные дворники не пускали. И так В[севолод] С[ергеевич] стонал и ломал руки в отчаянии, как устроить Адель на несколько дней, пока Болотов вручит им нужные бумаги. Мама наша всегда была очень большая защитница женских прав, вообще её широкие взгляды на жизнь были известны, она никогда никого строго не винила. Кроме того она всегда стремилась на помощь всем людям, попавшим в беду. И в этот раз, она ни на минуты не задумалась над тем, что говорила Ольга Александровна Дитерихс¹⁵, её друг юности; до меня случайно долетели слова последней: «Вера, что ты делаешь, у тебя взрослые дочери, зачем ты пускаешь к себе эту любовницу Соловьёва. Ведь родная семья её не хочет принимать...» Но, повторяю, чтобы выручить её из беды, помочь ближнему, мать моя ни перед чем не останавливалась и в тот раз пригласила Адель к нам, в комнату своих дочерей. Я в своем молодом увлечении очень её одобряла. Но, конечно, надо помнить, что это были восьмидесятые годы, и лицемерные взгляды тех времен, чтобы вполне оценить услугу, оказанную ею Всеволоду Сергеевичу и Адель Иосифовне. От нас они поехали венчаться, у нас и обедали в день свадьбы. Нам было весело, и все бесконечно смеялись над многими забавными подробностями всего этого происшествия. Брат наш, молоденький студент института Путей Сообщения¹⁶, ездил на Варшавский вокзал за вещами нашей гостьи, тщательно скрываясь от нашего дворника, чтобы не явился он к нам с домовою книгой преждевременно. Этот эпизод был бесконечной темой для острот Всеволода Сергеевича за нашим обедом в их честь. Но тостов за «единственных», верных друзей и клятв в бесконечной дружбе и преданности нам было ещё больше.

Они уехали. Мы несколько не сомневались, что это действительно наши друзья. Все вечера этой зимы, что проводили мы вместе, Всеволод Сергеевич выпрашивал нас обо всём касающемся семьи нашей и родных нашей матери, её сестры Блаватской, кузин и тёток Витте и Фадеевой. Мы, считая его своим другом, были вполне откровенны с ним, в силу чего много семейных дразг и неурядиц, много курьёзов в жизни нашей оригиналки тёти Надежды Андреевны Фадеевой, много сплетен относительно экстравагантной молодости сестры нашей матери¹⁷ стало ему известно. Вспоминая многое, я гораздо позже сообразила, как ловко Всеволод Сергеевич нас обо всём выпрашивал и как недостойно мужчины впоследствии нагородил сплетен и всех перессорил.

Из Петербурга в Лондон, оттуда в Одессу, в Париж и обратно летали письма и, в конце концов, он заварил такую кашу, что разобраться в ней свежему человеку было весьма трудно. Он также поссорил нас с Алексеем Алексеевичем Брусиловым и со многими другими.

Много лет спустя я поняла, в чём была суть его интриг. Скажу кратко. В жизни Е.П. Блаватской, столетие рождения которой теософы всего мира торжественно праздновали недавно, было много странных, даже непонятных вещей, в особенности в то далекое наше время.

¹³ Речь идёт о Вере Владимировне Желиховской (в замужестве Джонстон; ок. 1862–1921) – писательнице, дочери В.П. Желиховской, с 1888 г. жене ирландского санскритолога, востоковеда и теософа Чарльза Джонстона (1867–1931).

¹⁴ Эмили Морсье (1843–1896) – деятельница французского феминистского движения, филантропка, секретарь парижской секции Теософского общества.

¹⁵ Ольга Александровна Дитерихс (1835–1897) – жена генерала от артиллерии Ф.К. Дитерихса (1831–1899), директора Пажеского корпуса (1878–1894).

¹⁶ Речь идёт о Валериане Владимировиче Желиховском (1866–1888).

¹⁷ Речь идёт о Е.П. Блаватской.

Тут не место об этом говорить. Знаю только, что с тех пор человечество дошло до таких чудес для наших старых понятий и знаний, что бросать голословные обвинения в шарлатанстве всему тому, чего не понимаешь или объяснения чего нет в нашей современной науке, довольно неосновательно. Если б нам сказали в то время, что мы будем слышать разговоры и музыку из Америки или из Москвы, сидя в Париже, мы бы только засмеялись такой «ерунде». Ну а вот теперь каждый день и в самой далекой глухой деревне все, желающие слушать «Радио», ловят волны в атмосфере. Из этого для меня ясно, что учёные индусы «Махатмы», учителя, которых неисповедимыми путями нашла наша русская тётя Елена Петровна в своих путешествиях по Индии, которые её признали способной воспринять их познания в области неизвестного в то время «Радио», могли многое знать, до чего человечеству вообще нужно ещё дожить, чего ждать придется ещё довольно много... Для меня ясно, что многое то, что у тётки называлось «фокусами», «шарлатанством», со временем будет признано наукой. И так, если мы теперь слушаем «Радио» и не удивляемся голосам и музыке, идущим из Америки, отчего не допустить возможности, что «Махатмы» Мория и Кут Хуми могли научить Елену Петровну, благодаря её психической восприимчивости, и более упрощённому способу слышать их голоса, и вызывать аккорды музыки. Всё это может быть объяснено в будущем людьми науки, и я пока ставлю точку по этому вопросу. Скажу только, что Всеволод Соловьёв требовал от Е.П. Б[лататской], чтобы она научила его многим своим «фокусам», чтобы он, вернувшись в Петербург, мог удивлять всех своей оккультной силой наподобие своего героя, Горбатова, и кроме того хотел, чтобы она раздобыла в Индии от каких-то Раджей или Махатм субсидию весьма реальную для того, чтобы он мог издавать в Париже оккультно-теософический журнал. Она ни первого, ни второго не могла для него сделать, так как её индусские «Учителя» оказались действительно прозорливыми существами не от мира сего, ибо разгадали его махинации на расстоянии и предупредили её об этом. Он до того обозлился, что говорил нам: «Я отомщу, она ещё у меня запляшет со своими выдуманными Махатмами». И отомстил. Вся эта история сильно повлияла на здоровье нашей тётки. Мстить он начал ещё при жизни её, но когда вскоре она умерла, он стал писать и печатать о ней такие возмутительные грязные истории, такие клеветы и позорные выдумки, что мать моя, оскорблённая за сестру, сочла долгом своим печатно выступить на её защиту. Здоровье её также сильно расшаталось от этой истории; добившись издания своей ответной брошюрки, она недолго прожила, сердце её было сильно надорвано. Бульварная, пошлая пресса подхватила Соловьёвский скандал и раздувала его. Но честная и серьёзная пресса вся была на стороне нашей матери. Все сохранившиеся материалы по этому печальному делу я сдаю в русский исторический архив в Праге и там же моя пояснительная заметка к этим материалам и письмам того времени. Брат Всеволода Сергеевича Владимир Соловьёв, профессор, говорил: «Мне стыдно за брата», и что, вникнув в эту историю, он краснел за него. Жалею очень, что талантливая, резкая и справедливая статья В.П. Буренина в «Новом времени»¹⁸, жестоко отделившая Всеволода Соловьёва за его скверную роль, осталась в моих бумагах в Москве. Я далеко не всё вывезла. И так, мы сообразили, к сожалению довольно поздно, каких наивных простодушных людей мы разыграли, как по нотам, по желанию хитрого и нечестного человека, которому семья наша была нужна для достижения желаемого начерченного им плана. Как только он убедился, что дело сорвалось, он отбросил нас и стал «мстить», т.е. писать невообразимые, гадкие клеветы на умершую нашу тётку. Мне особенно стыдно и больно вспоминать, как я жестоко оскорбляла маму и её сестру, веря басням Соловьёва про них. Я готова была слепо идти за Всеволодом Сергеевичем, так он сумел мне вскружить

¹⁸ Речь идёт о статье В.П. Буренина «Г[осподин] Всеволод Соловьёв и жрица Изиды» (Новое время, 1892, №6038, 18 декабря), в которой автор, остро пройдясь и по личности «известного романиста», и по его книге, делал вывод, что в ней «Соловьёв не совсем точно рассказывает о своих отношениях к Блаватской, переиначивает их, вообще, говоря выражением из одной комедии, “охотно привирает”; или же во время своего знакомства с жрицей Изиды он, как бы это выразиться повежливее, – он находился не совсем в здоровом состоянии». Но, тем не менее, Буренин заключил свою статью ложным утверждением, что Блаватская вводила в заблуждение и Вс. Соловьёва, и многих других.

В.П. Буренин не раз резко оценивал творчество Вс. Соловьёва, см., например: Литературные очерки: Новый журнал «Историческая библиотека». Материал первых трёх книг. «Капитан гренадерской роты», роман-хроника г[осподина] Вс. Соловьёва. «Мещане», роман г[осподина] Писемского. «Беспечальное житьё», роман г[осподина] Михайлова. Два слова по поводу отзыва критика «Дела» об А. Мюссе // Новое время, 1878, №743, 24 марта; Критические очерки: Золотая посредственность. Стихотворения г[осподина] Фруга // Новое время, 1884, №3168, 21 декабря; Из записной книжки критика // Новое время, 1896, №7233, 19 апреля.

голову. Но когда, спустя некоторое время, он же добивался свидания с мамой у Брусиловых для переговоров о возвращении писем его, я хотела присутствовать при этом разговоре, но он не пожелал моего присутствия, вероятно боясь, что я могу ему многое напомнить... Письмо А.А. Брусилова ко мне по этому делу сохранено. Бедный человек, этот врожденный интриган, В.С. Соловьёв, он тяжело умирал, кричал, бранился, будто действительно чёрная сила его затащила. При его кончине не было с ним ни жены, ни детей; совершенно случайно присутствовала и помогла ему в смертный час своими заботами одна наша общая хорошая знакомая, глубоко верующая христианка и теософка Н.В. Пшенецкая (скончалась в Париже в 1933 году). От неё я знаю подробности его некрасивой жизни последних лет и тяжелой смерти. Также случайно оказалось, что наши родные могилы, мужа моего и брата¹⁹, в Новодевичьем монастыре очутились совсем близко от могил семьи Соловьёвых, но Всеволоду Сергеевичу в семейной ограде не оказалось места. Его большой, черного мрамора крест стоит тут же, но в стороне, между чужими могилами. Мне жутко и тяжело было всегда у его могилы.

Н.В. Брусилова.
(рожд[ённая] Желиховская).

¹⁹ Ростислав Николаевич Яхонтов (1858–1924) – кавалерийский офицер, генерал-майор (1917), сын В.П. Желиховской.